

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2026.31.83.030

Третьи лица в процессуальном праве: традиции, реформы и современные вызовы

Нецикалюк Алина Васильевна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, Омск, пр. Мира, 55а;
e-mail: Netsikalyuk@mail.ru

Аннотация

Третьи лица являются одним из ключевых институтов гражданского и арбитражного процесса, напрямую влияя на справедливость и эффективность судопроизводства. Институт третьих лиц обеспечивает защиту прав и законных интересов лиц, не являющихся первоначальными сторонами спора, но чьи права и обязанности могут быть затронуты судебным решением. Его развитие отражает эволюцию правовых систем и отвечает потребностям усложняющихся общественных отношений. Актуальность темы обусловлена исторической преемственностью, законодательными реформами и практическими проблемами. Цель работы — анализ реформ и выявление актуальных проблем применения норм права в области реализации прав и интересов третьих лиц, прослеживание эволюции института третьих лиц на примере действующего российского законодательства и судебной практики. Использование исторического, сравнительно-правового и формально-юридического метода позволило всесторонне проанализировать эволюцию института третьих лиц и актуальные проблемы его применения. На основании анализа современных научных подходов и процессуальных норм в статье выявлена преемственность норм об участии третьих лиц, определены основные сложности в области правоприменения, а также установлена роль института третьих лиц в отечественном судопроизводстве. Институт третьих лиц прошел длительный путь развития: от фрагментарных норм древнерусского права до детально регламентированного механизма в современном процессуальном законодательстве. Несмотря на позитивные изменения последних лет, сохраняются проблемы правоприменения, требующие законодательного и практического решения. Совершенствование этого института будет способствовать повышению эффективности правосудия и обеспечению баланса интересов всех участников процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Нецикалюк А.В. Третьи лица в процессуальном праве: традиции, реформы и современные вызовы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 221-231. DOI: 10.34670/AR.2026.31.83.030

Ключевые слова

Третьи лица, процессуальное право, гражданский процесс, арбитражный процесс, древнерусское право, эволюция института, критерии привлечения третьих лиц, судебная практика, защита прав и интересов, процессуальная экономия, установление объективной истины, договорные отношения, методология исследования.

Введение

Институт третьих лиц в системе гражданского и арбитражного процесса занимает функционально значимое положение, поскольку обеспечивает включение в судебное разбирательство субъектов, чьи права и интересы могут быть затронуты, хотя они не являются непосредственными сторонами спора. Его значение не исчерпывается формальным участием в деле: через данный механизм достигается предупреждение противоречивых судебных актов, минимизируется риск косвенного нарушения прав заинтересованных лиц и создаются условия для более полного установления фактических обстоятельств.

Выбранная проблематика исследования предполагает рассмотрение института в динамике его развития. Такой ракурс позволяет соединить историко-правовой анализ с оценкой современного состояния регулирования и выявлением практических трудностей его применения. В результате становится возможным не только реконструировать эволюцию нормативной модели участия третьих лиц, но и определить степень ее соответствия современным требованиям правосудия и социально-правовым ожиданиям.

С позиции исторической ретроспективы появление данной категории участников процесса было связано с необходимостью защиты лиц, чье правовое положение могло быть затронуто судебным решением, вынесенным без их участия. Уже ранние источники отечественного права, включая «Русскую Правду», а также нормы Новгородской и Псковской правовых традиций, фиксируют понимание того, что спор между двумя субъектами способен порождать последствия для третьих лиц, не участвующих в разбирательстве.

Более системное оформление институт получил в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, где впервые была предложена формализованная классификация третьих лиц. В рамках данной конструкции выделялись:

- лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (*intervenito principalis*);
- лица, не заявляющие таких требований (*intervenito accessoria*).

В советский период нормативное регулирование участия третьих лиц сохранялось, однако носило преимущественно формальный характер: в гражданском процессе оно применялось ограниченно, а в арбитражной сфере долгое время отсутствовала развернутая специальная регламентация. Современный этап развития характеризуется значительной детализацией процессуального статуса третьих лиц в кодифицированных актах, включая положения гражданского и арбитражного процессуального законодательства, а также последовательным совершенствованием соответствующих норм в последние годы.

Несмотря на это, правоприменительная практика демонстрирует наличие ряда устойчивых проблем, препятствующих эффективной реализации данного института. К числу наиболее значимых относятся:

- отсутствие единообразного подхода к критериям привлечения третьих лиц в процесс;
 - сложности в определении их процессуального статуса, особенно при изменении характера их интереса в ходе рассмотрения дела;
 - недостаточная регламентация участия третьих лиц при утверждении мировых соглашений;
 - ограничения и неопределенность в доступе к материалам дела в условиях цифровизации судебного процесса.
-

Методология

Методологическую базу настоящего исследования составляет интегрированный подход к анализу института третьих лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Использование сочетания общенаучных, специально-юридических и эмпирических методов позволяет обеспечить многоуровневое рассмотрение предмета исследования, охватывающее как его историческое формирование, так и современные проблемы правоприменительной практики.

Цель данной работы заключается в комплексном научном анализе института третьих лиц в процессуальном праве Российской Федерации. В рамках поставленной цели предполагается исследование его исторической эволюции, оценка действующих законодательных изменений, выявление актуальных проблем правоприменения, а также формулирование обоснованных предложений, направленных на совершенствование нормативного регулирования и практики участия третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе.

Историко-правовое становление института третьих лиц

Эволюция представлений о роли третьих лиц в обязательственных и договорных отношениях охватывает длительный исторический период и характеризуется существенным изменением их правового положения — от периферийного участия до закрепления различных форм их вовлеченности в современном правовом порядке.

В настоящее время российскому праву известны несколько моделей участия третьих лиц в договорных отношениях: обязательные формы (например, удостоверение волеизъявления сторон третьим лицом), факультативные формы (привлечение третьего лица к исполнению обязательства), а также иные проявления их участия, включая случаи неправомерного вмешательства третьих лиц в исполнение договорных обязательств.

На ранних этапах развития отечественного права, относимых к X веку, регулирование имущественных отношений основывалось преимущественно на обычном праве [Владимирский-Буданов, 1915]. В этот период договорные конструкции носили строго персонализированный характер и распространяли действие исключительно на их участников. Процедура заключения договора отличалась высокой степенью формализованности и воспринималась как особый правовой обряд, в рамках которого кредитор приобретал право непосредственно на личность должника. Таким образом, обязательство понималось не как право требования определенного поведения, а как юридическая власть кредитора над должником.

При этом уже на данном этапе, несмотря на отсутствие допуска к договорным отношениям посторонних лиц, законодательство предусматривало отдельные формы участия третьих субъектов. Одной из таких форм являлось удостоверение волеизъявления сторон при заключении договора. Учитывая преимущественно устный характер сделок и использование символических действий, участие третьих лиц выполняло функцию подтверждения действительности достигнутого соглашения.

Первым кодифицированным источником древнерусского права, позволяющим судить о порядке заключения договоров, является «Русская Правда». В ее Пространной редакции упоминаются послухи², которых в научной литературе традиционно рассматривают как свидетелей совершения сделки [Чистяков, 1984, с. 100] (например, статьи 47 и 52 Пространной

редакции «Русской Правды»).

Н. Л. Дювернуа подчеркивал, что по нормам «Русской Правды» заемные отношения ставились в жесткую зависимость от формы их удостоверения: «есть послухи — есть сделка, нет послухов — нет сделки» [Дювернуа, 1869]. При этом исследователь отмечал постепенную трансформацию правового сознания, в рамках которой архаичные формы обряда и свидетельствования уступали место более универсальным и надежным способам фиксации воли сторон.

В отличие от «Русской Правды», не содержащей норм о письменной форме сделок, Псковская судная грамота³ уже закрепляла две основные формы оформления договоров — запись и доску (например, статья 30 Псковской судной грамоты [Чистяков, 1984, с. 150]). Как отмечает К. П. Татаркина, указанные конструкции могут рассматриваться как ранние аналоги простой и квалифицированной письменной формы сделки соответственно [Татаркина, 2009]. Доска представляла собой упрощенный письменный документ, тогда как запись являлась более формализованным договором, копия которого передавалась на хранение в Троицкий собор, приобретая характер официального и труднооспариваемого доказательства [Мартысевич, 1951].

Первые признаки участия публичной власти в оформлении имущественных сделок фиксируются в статье 46 Судебника 1497 года, а также в статьях 94–95 Судебника 1550 года. Согласно данным нормам, сделки с лошадьё как ключевым элементом хозяйственной деятельности подлежали особому оформлению: пятенщик осуществлял клеймение животного с уплатой соответствующей пошлины, а сама сделка фиксировалась земским дьяком в присутствии целовальников [Чистяков, 1985а с. 169].

Завершение формирования устойчивого порядка публичного удостоверения сделок, совершаемых при участии сведущих лиц, относится к периоду действия Соборного уложения 1649 года. В данном акте были закреплены сделки крепостного порядка, при которых документ составлялся площадным подьячим. Обязательным условием их действительности выступало присутствие не менее двух свидетелей [Чистяков, 1985b, с. 319–320].

Кроме того, интересным представлялся тот факт, что закрепление воли лиц и предостережение от составления недействительных актов было не единственной целью установления формальностей при составлении договоров. В XVIII столетии отмечается преобладание фискального интереса, а именно уплата казенного сбора для удостоверения сделки [Победоносцев, 2003].

Одним из исторически сложившихся механизмов вовлечения третьих лиц в договорные конструкции выступало предварительное согласование сделки с лицом, не являющимся ее непосредственной стороной. Однако унифицированное нормативное оформление данной модели появилось значительно позднее, поскольку на протяжении длительного времени регулирование носило фрагментарный характер. В доктрине и концептуальных разработках подчеркивалось, что действующее право уже содержит значительное число ситуаций, при которых юридическая сила сделки ставится в зависимость от волеизъявления или согласия третьего лица⁴.

Указанная идея получила закрепление на уровне позитивного права: в результате реформирования гражданского законодательства общая конструкция согласия была институционализирована в статье 157.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ. Тем самым был сформирован самостоятельный правовой механизм, в рамках которого третье лицо получает ограниченное,

но юридически значимое влияние на действительность сделки.

Параллельно с этим в системе обеспечительных конструкций особое место занимает поручительство как одна из наиболее ранних форм участия третьих лиц в обязательственных отношениях. Его исторические корни прослеживаются уже в Псковской судной грамоте, что свидетельствует о раннем осознании необходимости привлечения дополнительных гарантирующих субъектов в оборот.

Дальнейшая эволюция поручительства была связана не с изменением его сущностной природы, а преимущественно с усложнением модели ответственности поручителя и уточнением оснований ее наступления. Так, положения Свода законов гражданских (ст. 1557–1560) закрепляли возможность кредитора обращаться как к основному должнику, так и к поручителю, формируя тем самым вариативность реализации требования. При этом различались две ключевые конструкции: поручительство без ограничения срока и поручительство, ограниченное определенным периодом. В первом случае ответственность поручителя охватывала весь объем обеспеченного обязательства, тогда как во втором ее наступление связывалось с истечением установленного срока и неисполнением основного долга должником.

Завершающим этапом формирования системы обеспечительных конструкций с участием третьих лиц стало появление независимой гарантии (ранее — банковской гарантии). Ее нормативное оформление относится к более позднему периоду и получило закрепление уже в кодифицированных актах советской правовой системы. До этого аналогичные по функции конструкции существовали в виде специфических разновидностей поручительства, прежде всего в отношениях между вышестоящими и нижестоящими социалистическими организациями.

Таким образом, объективная нестабильность исполнения обязательственных обещаний обусловила формирование многоуровневой системы обеспечительных механизмов, в рамках которых третьи лица стали выполнять функцию дополнительного источника надежности исполнения. В современной доктрине такие конструкции обоснованно выделяются в самостоятельный блок обеспечительных способов [Белов, 2001].

Развитие имущественного оборота и постепенное ослабление персональной привязки обязательства к конкретному кредитору актуализировали вопрос о возможности перехода прав и обязанностей к иным субъектам. В результате сформировались конструкции универсального и сингулярного правопреемства, которые стали правовой основой института перемены лиц в обязательстве. В литературе справедливо отмечается, что именно трансформация субъектного состава обязательства послужила моделью для его последующего нормативного обобщения [Толочкова, 2010].

Наряду с этим особое значение приобрел вопрос исполнения обязательства не самим должником, а привлеченным третьим лицом. По мере усложнения экономического оборота для кредитора все более значимым становился результат исполнения, а не личность исполнителя, что объективно способствовало формированию соответствующего правового механизма.

В ранних источниках прямого закрепления такой возможности не содержалось. Вместе с тем уже в Вексельном уставе 1729 года предусматривалась ситуация, при которой исполнение обязательства по векселю могло осуществляться третьим лицом, формально не указанным в качестве плательщика [Чистяков, 1984, с. 470].

Отдельное направление развития учения о третьих лицах связано с защитой участников оборота от неправомерного вмешательства в договорные отношения. В работах М. А. Агаркова

проводилось разграничение двух уровней правовой связи: отношения кредитор–должник и отношения кредитор–третьи лица. Первое рассматривалось как обязательственное правоотношение, второе — как сфера абсолютной защиты. При этом отмечалось, что советская правовая система не восприняла подобную конструкцию в полном объеме [Агарков, 1940].

Современная доктрина, напротив, демонстрирует усиление внимания к проблематике недобросовестного вмешательства третьих лиц в обязательственные связи. В частности, обосновывается возможность применения деликтной ответственности к субъектам, чьи действия нарушают нормальное исполнение или существование договорного обязательства [Карапетов, 2016].

В итоге историко-правовой анализ позволяет констатировать последовательное расширение участия третьих лиц в гражданском обороте. Их роль эволюционирует от вспомогательной функции подтверждения воли сторон на стадии заключения сделки до активного участия в обеспечении и исполнении обязательств. В современных условиях третьи лица становятся структурным элементом как договорных, так и обеспечительных конструкций, что отражает общую тенденцию усложнения имущественного оборота и дифференциации его субъектного состава.

В правовом регулировании участие третьих лиц традиционно строится по дифференцированному принципу, в рамках которого значение имеет не только сам факт их вовлечения, но и основание такого участия. В зависимости от юридической природы включения в правоотношение можно выделить две базовые модели: участие, предписанное законом, и участие, обусловленное волей сторон. Первая модель выражается в обязательном вовлечении третьего лица, вторая — в его факультативном привлечении по усмотрению участников оборота.

Историческое развитие данной конструкции демонстрирует последовательное усложнение форм участия третьих лиц. На различных этапах правовой эволюции появляются новые способы их включения как в материально-правовые, так и в процессуальные отношения. При этом сама система участия приобретает устойчивую типологию, отражающую различие между обязательными и факультативными формами.

К обязательным конструкциям традиционно относится удостоверительная функция третьего лица при совершении сделки, обеспечивающая подтверждение подлинности и действительности волеизъявления сторон. Факультативные формы участия проявляются прежде всего в обеспечительных обязательствах, где третье лицо принимает на себя риск исполнения долга, наиболее характерным примером чего выступает поручительство.

Отдельного внимания заслуживает вопрос исполнения обязательства третьим лицом, который в ранних источниках не имел прямого нормативного закрепления. Тем не менее уже в Вексельном уставе 1729 года фиксировалась возможность исполнения по векселю лицом, не указанным в качестве плательщика, что отражало раннюю стадию признания подобного механизма в обороте [Чистяков, 1984, с. 470].

Если обратиться к более ранним правовым пластам, то формирование института третьих лиц прослеживается уже в древнерусских источниках. Нормативные конструкции «Русской Правды», а также Новгородских и Псковских правовых актов содержат зачаточные формы участия лиц, не являющихся непосредственными сторонами правоотношения. В дальнейшем советский период характеризуется отсутствием системной регламентации: участие третьих лиц носило преимущественно фрагментарный характер и регулировалось через общие положения материального и процессуального права.

Эволюция процессуального статуса третьих лиц

Современное развитие института связано с его закреплением в качестве самостоятельного элемента процессуальной системы, обеспечивающего баланс интересов участников судебного разбирательства. В отличие от ранних этапов, где регулирование носило разрозненный характер, сегодня речь идет о комплексной нормативной модели, определяющей права, обязанности и пределы участия третьих лиц.

Данный институт выполняет функционально значимую роль в условиях усложнения экономических и социальных связей, поскольку позволяет учитывать интересы субъектов, формально не являющихся сторонами процесса, но фактически затрагиваемых судебным актом. Тем самым третьи лица выступают механизмом расширения гарантий судебной защиты в рамках одного дела.

Правовое положение третьих лиц представляет собой закрепленный в процессуальном законодательстве комплекс правомочий и обязанностей, возникающих с момента их вступления в процесс либо привлечения судом. Оно определяет границы их участия и отличает их от иных субъектов процесса, прежде всего от истца и ответчика.

Нормативная регламентация закреплена в процессуальных кодексах, где традиционно выделяются две категории:

- третьи лица с самостоятельными требованиями, которые фактически реализуют самостоятельную процессуальную позицию, приближенную к статусу истца, включая право на изменение требований и заключение мирового соглашения;
- третьи лица без самостоятельных требований, чье участие носит вспомогательный характер и обусловлено потенциальным влиянием судебного решения на их правовое положение, чаще всего через регрессные или иные производные обязательства.

В доктрине обращается внимание на то, что до реформ 2010-х годов арбитражный процесс предоставлял таким лицам более широкий объем процессуальной активности по сравнению с гражданским судопроизводством, что объяснялось спецификой экономических споров и профессиональной вовлеченностью участников.

Современные реформы и трансформация института

Существенный этап изменения правового регулирования связан с унификацией процессуального законодательства и сближением подходов гражданского и арбитражного судопроизводства. В результате были уточнены процедуры вступления третьих лиц в процесс, а также конкретизированы процессуальные сроки и формы их участия.

Одновременно усилилась обязанность суда учитывать потенциальное влияние судебного акта на права лиц, не участвующих в деле на момент его возбуждения. Это отражает переход от формальной модели участия к более функциональной, ориентированной на реальную защиту интересов.

Отдельное направление реформ связано с банкротными процедурами, где расширение круга участников и развитие института субсидиарной ответственности фактически сблизили положение отдельных третьих лиц с процессуальным статусом ответчиков еще до предъявления к ним самостоятельных требований.

Существенное влияние на развитие института оказывает и судебная практика высших судебных органов. В частности, подчеркивается недопустимость чрезмерного ограничения процессуальных возможностей третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований,

особенно в части представления доказательств и участия в процессуальных действиях.

Судебные разъяснения также сформировали более строгий подход к критериям привлечения таких лиц: ключевым является не формальное указание на их возможную заинтересованность, а реальное влияние будущего судебного акта на их права и обязанности. При отсутствии такого влияния участие в процессе исключается.

Несмотря на совершенствование нормативной базы, сохраняется ряд системных проблем. Наиболее значимая из них связана с ограниченным объемом процессуальных прав третьих лиц без самостоятельных требований, которые не обладают возможностью влиять на предмет спора и процессуальные последствия его рассмотрения.

В научной литературе обсуждается возможность внедрения института *amicus curiae*, предполагающего участие лица, не обладающего материально-правовым интересом, но способного предоставлять суду экспертные позиции. Однако подобная конструкция требует принципиального пересмотра модели процессуального участия и не может быть механически интегрирована в систему третьих лиц.

В целом современная тенденция развития процессуального законодательства характеризуется расширением доступа к правосудию, снижением формальных барьеров и постепенной унификацией процессуальных форм. Это может в перспективе привести к дальнейшему сближению гражданского и арбитражного процессов и обсуждению идеи единого процессуального кодекса.

Институт третьих лиц прошел эволюцию от вспомогательного элемента процессуальной конструкции до самостоятельного механизма защиты прав лиц, косвенно вовлеченных в спор. Современное состояние института отражает попытку сбалансировать две противоположные задачи: обеспечение процессуальной эффективности и гарантирование полноценной судебной защиты всех затрагиваемых субъектов.

Эволюционное развитие института третьих лиц в рамках современной российской процессуальной системы может быть условно представлено в виде трех последовательных стадий [Балашов, Лукьянова, 2019, с.42–47].

На первом этапе (2002–2014 гг.) происходит становление базовой кодифицированной модели участия указанных субъектов после закрепления ключевых положений в процессуальных кодексах. В этот период формируется различие между двумя процессуальными системами: арбитражное судопроизводство тяготеет к более жесткой формализации процедурных механизмов, включая ограничительные подходы к вступлению в процесс и специфику обжалования судебных определений, тогда как гражданское судопроизводство характеризуется более гибкими правилами вовлечения третьих лиц и менее формализованной практикой их участия.

Второй этап (2014–2019 гг.) связан с институциональной трансформацией судебной системы после упразднения высшего звена арбитражной юстиции и последующей масштабной перестройки процессуального законодательства. Данные изменения затронули не только статус участников процесса, но и смежные институты — правила представительства, подсудность и систему распределения судебных расходов, что в совокупности повлияло на процессуальное положение третьих лиц и их вовлеченность в рассмотрение дел.

Третий этап (2020–2026 гг.) определяется переходом к цифровым форматам судопроизводства и точечной корректировкой процессуальных механизмов в условиях усложнения корпоративных и банкротных споров. Ключевой вектор реформ в этот период ориентирован на обеспечение процессуальной экономии и противодействие злоупотреблению процессуальными правами. В частности, были существенно ограничены практики позднего

привлечения третьих лиц, используемые ранее для затягивания рассмотрения дела, поскольку такое привлечение, как правило, влечет необходимость повторного рассмотрения процесса с начала. Современная правоприменительная позиция и разъяснения высших судебных инстанций закрепили более строгий подход к оценке подобных ходатайств.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт третьих лиц занимает устойчивое системное положение в российском гражданском и арбитражном процессуальном праве, выполняя функцию обеспечения полноты судебной защиты и реализации основополагающих принципов состязательности и равноправия участников процесса. Его значение выходит за рамки защиты индивидуальных интересов и распространяется на повышение качества правосудия в целом за счет учета взаимосвязанных материально-правовых отношений.

Современная динамика развития процессуального законодательства свидетельствует о постепенном пересмотре традиционного понимания роли третьих лиц. Их участие перестает носить исключительно вспомогательный характер и приобретает более активное процессуальное содержание, что обусловлено усложнением гражданского оборота, ростом числа многосторонних споров и развитием корпоративных и финансовых отношений, в которых судебное решение может затрагивать широкий круг неформально вовлеченных субъектов.

Особую значимость приобретают реформы последних лет, направленные на совершенствование процедур участия третьих лиц. Законодатель стремится совместить требования процессуальной экономии с задачей обеспечения полноты судебного разбирательства, что выражается в уточнении статуса участников, развитии процедур их вступления в процесс и совершенствовании механизмов судебного извещения. Вместе с тем сохраняется неоднородность правоприменительной практики и отсутствие единых подходов к оценке юридической заинтересованности лица в исходе дела.

Отдельным вызовом выступает цифровая трансформация судопроизводства. Внедрение электронных форм взаимодействия и дистанционного участия требует дальнейшей детализации процессуальных гарантий, связанных с уведомлением потенциально заинтересованных лиц и обеспечением реального доступа к реализации их прав. Без такой адаптации возможен риск формализации участия и ослабления гарантий судебной защиты.

Существенным остается и вопрос соотношения процессуальной самостоятельности третьих лиц с принципом процессуальной эффективности. Расширение их прав усиливает гарантии защиты, однако одновременно может увеличивать сложность процесса и влиять на сроки рассмотрения дел. В связи с этим дальнейшее развитие института должно опираться на баланс между этими противоположными началами.

Перспективы совершенствования института связаны с дальнейшей унификацией процессуального регулирования, уточнением критериев привлечения третьих лиц, адаптацией процессуальных механизмов к цифровой среде и укреплением гарантий их участия в электронных формах судопроизводства.

Таким образом, институт третьих лиц остается одним из базовых элементов процессуальной системы, обеспечивающим справедливость, полноту и эффективность судебного разбирательства. Его дальнейшая эволюция предполагает комплексное развитие с учетом как социально-экономических трансформаций, так и технологических изменений, влияющих на современную судебную практику.

Библиография

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
2. Балашов А.Н., Лукьянова И.Н. Проблемы нормативного регулирования статуса третьих лиц в свете реформы процессуального законодательства // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 42–47.
3. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2001.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915.
5. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. М., 1869.
6. Загайнова С.К. Реформа гражданского и арбитражного процессуального законодательства 2019 года: итоги и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 3–9.
7. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.
8. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. М., 1951.
9. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. М., 2003.
10. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1.
11. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985а. Т. 2.
12. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985б. Т. 3.
13. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009.
14. Толочкова Н.Г. Третьи лица в гражданском обороте // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Вып. 11. Оренбург, 2010. С. 213.
15. Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 756 с.

Third Parties in Procedural Law: Traditions, Reforms, and Modern Challenges

Alina V. Netsikalyuk

Dostoevsky Omsk State University,
644077, 55-a, Mira ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Netsikalyuk@mail.ru

Abstract

Third parties are one of the key institutions of civil and arbitrazh procedure, directly affecting the fairness and efficiency of judicial proceedings. The institution of third parties ensures the protection of the rights and legitimate interests of persons who are not the original parties to the dispute, but whose rights and obligations may be affected by a judicial decision. Its development reflects the evolution of legal systems and meets the needs of increasingly complex social relations. The relevance of the topic is conditioned by historical continuity, legislative reforms, and practical problems. The purpose of the work is to analyze reforms and identify current problems in the application of legal norms in the field of realizing the rights and interests of third parties, and to trace the evolution of the institution of third parties on the example of the current Russian legislation and judicial practice. The use of historical, comparative-legal, and formal-legal methods made it possible to comprehensively analyze the evolution of the institution of third parties and the current problems of its application. Based on the analysis of modern scientific approaches and procedural norms, the article reveals the continuity of norms on the participation of third parties, identifies the main difficulties in the field of law enforcement, and establishes the role of the institution of third parties in domestic judicial proceedings. The institution of third parties has passed a long path of development: from fragmentary norms of Old Russian law to a detailed regulated mechanism in modern procedural legislation. Despite the positive changes in recent years, law enforcement

problems remain that require legislative and practical solutions. The improvement of this institution will contribute to enhancing the efficiency of justice and ensuring a balance of interests of all participants in the process.

For citation

Netsikalyuk A.V. (2026) Tret'i litsa v protsessual'nom prave: traditsii, reformy i sovremennyye vyzovy [Third Parties in Procedural Law: Traditions, Reforms, and Modern Challenges]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 221-231. DOI: 10.34670/AR.2026.31.83.030

Keywords

Third parties, procedural law, civil procedure, arbitrazh procedure, Old Russian law, evolution of the institution, criteria for involving third parties, judicial practice, protection of rights and interests, procedural economy, establishment of objective truth, contractual relations, research methodology.

References

1. Agarkov, M. M. (1940). *Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligations under Soviet civil law]. Moscow.
2. Balashov, A. N., & Lukianova, I. N. (2019). Problemy normativnogo regulirovaniya statusa tret'ikh lits v svete reformy protsessual'nogo zakonodatel'stva [Problems of legal regulation of the status of third parties in the light of the reform of procedural legislation]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 8, 42–47.
3. Belov, V. A. (2001). *Singulyarnoe pravopreemstvo v obyazatel'stve* [Singular succession in obligations]. Moscow.
4. Chistiakov, O. I. (Ed.). (1984). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries] (Vol. 1). Moscow.
5. Chistiakov, O. I. (Ed.). (1985a). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries] (Vol. 2). Moscow.
6. Chistiakov, O. I. (Ed.). (1985b). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries] (Vol. 3). Moscow.
7. Diuvernua, N. L. (1869). *Istochniki prava i sud v drevney Rossii* [Sources of law and courts in ancient Russia]. Moscow.
8. Karapetov, A. G. (2016). *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic analysis of law]. Moscow.
9. Martysevich, I. D. (1951). *Pskovskaya sudnaya gramota* [The Pskov Judicial Charter]. Moscow.
10. Pobedonostsev, K. P. (2003). *Kurs grazhdanskogo prava* [Course of civil law] (Part 3: Contracts and obligations). Moscow.
11. Tatarkina, K. P. (2009). *Forma sdelok v grazhdanskom prave Rossii* [The form of transactions in Russian civil law] [Candidate's dissertation, Tomsk State University].
12. Tolochkova, N. G. (2010). *Tret'i litsa v grazhdanskom oborote* [Third parties in civil circulation]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA* [Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University], 11, 213.
13. Vladimirkii-Budanov, M. F. (1915). *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Kyiv.
14. Yarkov, V. V. (2017). *Arbitrazhnyy protsess* [Arbitration procedure] (7th ed.). Infotropik Media.
15. Zagainova, S. K. (2020). Reforma grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessual'nogo zakonodatel'stva 2019 goda: itogi i perspektivy [Reform of civil and arbitration procedural legislation in 2019: Results and prospects]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and Civil Procedure], 2, 3–9.